

Marija Litovskaja
(Jekaterynburg, Rosja)

ДВЕ ОДЕССЫ ВАЛЕНТИНА КАТАЕВА

«Одесса пыльная», где «все Европой дышит, веет, все блещет югом и пестреет разнообразностью живой», – описание, данное Пушкиным городу на юго-западе России, долгое время было самым известным. В текстах об Одессе, необычной самим своим статусом – порт на Черном море, позже – курортный и в то же время университетский центр Новороссии – обычно воплощался либо взгляд приезжего человека, со снисходительным сочувствием наблюдающего незнакомую ему южную жизнь, либо некоторая конфузливость провинциала, показывающего столичному гостю незамысловатые местные достопримечательности.

В XX веке ситуация кардинально изменилась. «Одесса» для значительной части жителей СССР и так называемого постсоветского пространства превратилась во «внятную и понятную сущность»¹: интернациональный южный город с яркой историей, который населяют остряки и балагуры с экспрессивной речью, особая порода людей, жизнелюбивых, остроумных, лихих, в чьих характерах смешались сентиментальность, язвительность и пижонство².

Жители любого региона, какого бы размера он ни был, представляют собой воображаемое сообщество, немалую роль в поддержании которого играют символические скрепы, позволяющие соединять разрозненные элементы в единое целое. Образы и идеи, способные воодушевить сообщество, запечатлеваются в искусстве, популяризируются, повторяются регулярно в молве или средствах массовой информации, переносятся из одной культурной среды в другую и в результате встраиваются через уподобление или противопоставление в сложившуюся ранее систему «объединителей».

Новый образ Одессы и его жителей сформировался и распространился преимущественно благодаря «визионерским техникам»³ многочисленных авторов-одесситов, пришедших в «большую» литературу на рубеже 1910–1920-х годов. В начале своей литературной карьеры они покинули родной город ради столиц, большую часть своей

¹ Э.Саид, *Ориентализм: Западные концепции Востока*, Санкт-Петербург 2006, с. 178.

² V. Cukerman, *The Odessian Myth and Idioms in Some Early Works of Odessa Writers*, CASS, 1980, №1, s. 36-51.

³ Э.Саид, *Ориентализм: Западные концепции Востока*, Санкт-Петербург 2006, с. 178.

жизни в столицах прожили, наезжая в Одессу в качестве знатных земляков. Им до конца дней поминали одесское происхождение не только из-за сохранившегося „неистребимого черноморского акцента”⁴, но и потому, что оставленная провинциальная родина навсегда вошла в их творчество, определив в самом широком смысле слова содержательность многих их произведений, получивших большую известность.

Исаак Бабель, Эдуард Багрицкий, Сергей Бондарин, Илья Ильф, Валентин Катаев, Лев Никулин, Юрий Олеша, Евгений Петров, Зинаида Шишова и другие писатели, которых литературоведы иногда объединяют причастностью к „одесской школе”⁵, качественно изменили традиционное отношение к своему родному городу как географическому захолустью. Во многом, видимо, это стало возможным благодаря своеобразному направлению их взгляда: Одесса для них не курорт и не место ссылки, а город, где прошли детство и юность.

Повседневная жизнь большого населенного пункта, немалый круг знакомств, привычный уклад разнообразных занятий не оставляли молодым людям времени и места для той метафизической скуки, которая якобы является неотъемлемой частью жизни провинции. К тому же одесская публика имела возможность вести активную художественную жизнь. При том, что значительную часть времени местные культурные силы варились в собственном соку, благодатный климат Одессы, ее близость к морю делали город заманчивым для гастролеров и заезжих знаменитостей. Они задавали уровень притязаний начинающим художникам, позволяя тем осознавать разницу между доморощенным и по-настоящему значительным.

Отдаленность Одессы от традиционных „литературных гнезд” и в то же время возможность получать книжные и журнальные новинки, видеть «живьем» литературных знаменитостей, несомненно, сказалась на представлениях молодых писателей о художественной жизни России. «Настоящая» литература, как они считали, делалась не в Одессе, а в других местах. Неслучайно в своей профессиональной литературной деятельности писатели „одесской школы” начинали с того, что отряхивали прах провинции со своих ног. Их ранние произведения насквозь пропитаны чужими разнородными влияниями, сюжеты разворачиваются в мирах, имеющих, на первый взгляд, мало общего с естественной средой обитания создателей: родной город, судя по всему, не осознавался ими как предмет, о котором интересно писать и, соответственно, будет интересно читать. Непосредственное природное и человеческое окружение играло роль своего рода объекта для ученических набросков и повода для

⁴ В. Катаев, *Собр. соч. : В 10 тт.*, [в:] Т. 7, Художественная литература, Москва 1984, с. 93.

⁵ См., например: Е. Каракина, *По следам «Юго-Запада»*. Новосибирск, *Свиньи и сыновья*, 2006; В. Ярмолинец, *Одесский узел Шкловского*, Волга 2011, № 1. 2.; и др..

поэтической реакции, заведомо имеющей локальное значение. Одесса влияет на молодых авторов, скорее, подспудно, самим характером жизни: более открытой, яркой, эмоциональной, чем на севере, о котором начинающие авторы в годы постоянной жизни в Одессе знали главное для себя: там, в столицах делается большая литература.

Территория превращается в место благодаря инвестиции в него воображения многих участников⁶ – тех, кто о ней думал, рассказывал и своим описаниями ее преобразовывал, наделяя смыслами. Создание образа места предполагает не только аккумуляцию смыслов, но также их обязательную и регулярную переоценку⁷. Под таким углом зрения история образа конкретного локуса превращается в историю борьбы за символический статус территории, которая носит неявный, но от этого не менее напряженный характер, поскольку победитель получает право считаться создателем доминирующей точки зрения на регион, тем самым, приобретая известную власть над переосмысленной, то есть «завоеванной» землей.

При художественном освоении того пространства, где проходит период формирования писателя, описываемый населенный пункт становится своеобразным репрезентантом географического измерения его жизненной истории, на него, в частности, проецируются авторские жизнеобъяснительные стратегии и тактики. Неудивительно, что Одесса, город, о котором большинство читателей начала XX века имело весьма смутное представление, наряду с другими биографическими фактами должна была символически подтвердить состоятельность новых авторов, их потенциальное право на создание оригинальных, интересных широкому кругу читателей текстов. Поэтому, завоеывая «большую» литературу, молодые одесситы вводят в литературный контекст образ родного города, который пока не обладает историко-литературным ресурсом, необходимым для подтверждения ожидаемого ими статуса. Этот ресурс им приходится создавать самостоятельно, опираясь как на собственные впечатления, так и на сложившуюся к тому времени в литературе традицию изображения городского пространства⁸.

Пространства символически обживаются с разной степенью интенсивности. Создатели образа места вольно или невольно вступают

⁶ D. Harvey, *The Condition of Postmodernity*, Blackwell 1989, P. 5; см. также: Н.Черняева. *Культурная география и проблематика «места»*, «Известия Уральского государственного университета», (Серия «Гуманитарные науки», вып. 9), 2005, № 35.

⁷ D. Harvey, *The geography of capitalist accumulation: a reconstruction of the Marxian theory / Spaces of Capital*. Routledge, N-Y 2001, p. 237-266.

⁸ См., например: В. Мароши, *Столичное и провинциальное в литературном пространстве русского модернизма*, Региональные культурные ландшафты, Тюмень 2004; М. Назаренко, *Городской текст в XX веке* [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/d/dobychin_1_i/text_0060.shtml

в спор друг с другом, дополняют друг друга, открыто противоречат друг другу. Общими усилиями авторов топонимическая абстракция превращается в пространство, наделенное особыми, воспринимаемыми как специфические, в совокупности только ему присущими характеристиками. Можно сказать, что Одесса имела редкую судьбу, когда почти одновременно было предложено несколько ее равноценных образов, и переопределение статуса проявилось в «столкновении» писателей, которые общими усилиями создали многомерное описание прекрасного города, не похожего ни на один город мира.

Одесса в изображении авторов «одесской» школы – это самодостаточный город, провинция, непохожая на захолустье. Первым обращается к изображению своеобразия родного города И.Бабель. Хорошо зная творчество предшественников, в том числе и безымянных авторов городских легенд, он выступает как своего рода культурный герой, придумывая образ города, вполне заурядного внешне, но хранящего множество неожиданных возможностей. Ему удалось выявить уникальность Одессы, создаваемую не столько за счет особых природных свойств города, сколько за счет эстетизации того, что другими – не жителями – воспринималось как некая аномалия – специфического говора, обусловленного многоязычием, и во многом неожиданного для северян уклада жизни. „Обаяние писательской силы Бабеля было для нас тогда в начале 20-х годов в Одессе непреодолимо. Мы приходили к нему, и он читал нам „Одесские рассказы” и открывал всю сказочную романтичность города, в котором мы родились и выросли, почти не заметив его”⁹.

Сходный образ Одессы воспроизведен в „Галифе Фени-Локш” (1922), „Малой Одессе” (1923) И.Ильфа, „Тысяча и одной ночи” (1922) Л.Славина, „Дочечке Броне” (1921–1925) К.Паустовского. Позже эта же линия будет реализовываться в бабелевском „Закате” (1928) и славинской „Интервенции” (1932), в „Повести о жизни” К.Паустовского, в творчестве М.Жванецкого и далее – до скетчей команд КВН как „оттепельного”, так и „перестроечного” периода. В итоге это направление мифологизации придало Одессе статус города природных остряков, обреченных „выдавать хохмы», основанные на свойствах изображенной Бабелем речи. Образ постоянно тиражируется, хотя, скорее всего, вызывает внутреннее сопротивление у части местного сообщества. Мифологизация у Бабеля и его «наследников» призвана подчеркнуть региональную экзотику – странность места, его нахождение вне нормы, а значит, оправдать потребность в его описании. Легитимизация аномального, превращение его в значимую характеристику места является важнейшим этапом культурного освоения пространства.

⁹ Л. Славин, *Предвестие истины*, Советский писатель, Москва 1968, с. 264.

Но бабелевское направление в изображении Одессы оказалось не единственным. Багрицкий в своих текстах, ориентируясь, скорее, на традицию купринских „Листригонов”, обнаруживает все в той же Одессе еще один мир – суровых и мужественных людей, занятых физически тяжелой и опасной работой, живущих в единении со стихией. Мировобраз, которым наделен его лирический герой, включает два города: романтизированный, сконструированный по книгам, и кровный, скрытый от посторонних глаз мир одесского «еврейского захолустья»,

В автобиографическом повествовании значение провинции может быть двояким. Если главной задачей художника оказывается „сопротивление свинцовым мерзостям жизни” (М.Горький), то провинциальное может изображаться как убогое, давящее, человека недостойное. Но обычно происходит другое. В центре автобиографического повествования находится человек, входящий в мир и познающий его. Расширение мира характерно для пространственной организации подобного рода произведений: комната, квартира, двор, улица, город, страна, мир... Локус начала жизни оценивается уже взрослым повествователем обычно с одной точки зрения: насколько он оказался в состоянии наполнить детскую душу разнообразными впечатлениями бытия, насколько смогло создать у ребенка, подростка, юноши ощущение полноты существования. В этом случае речь идет, скорее, об общей организации пространства детства, о каких-то поразивших ребенка его приметах, обычно не совпадающих с туристическими достопримечательностями: „Что же это было? Долго я не мог этого понять. Но однажды совершенно неожиданно понял: это было нечто, составленное из еле слышного дребезжания извозчичьих пролеток, цоканья копыт, шагов людей, звонкого погромохивания конок и трамкарет, похоронного пения, военной музыки, стрекотанья оконных стекол, шороха велосипедов, гудков поездов и пароходов, рожков железнодорожных стрелочников, хлопанья голубиных крыльев, звона сталкивающихся буферов товарных вагонов, шелеста акаций, шуршания гравия в Александровском парке. Треска воды, вылетающей из шланга садовника, поливающего где-то розы, набегающего шороха морских волн, шума базара, пения нищих слепцов, посвистывания итальянских шарманок... Уносимые куда-то морским ветром, все эти звуки составили как бы музыку нашего города, недоступную взрослым, но понятную маленьким детям”¹⁰.

Взрослый повествователь оценивает место своего детства и явно или неявно гордится тем особым положением в общей жизни, которое оно занимает. В.Катаев, который начинал создавать образ Одессы вместе со своими земляками, биографически получает возможность уточнять его,

¹⁰ В. Катаев, *Собрание сочинений*, Т. 8., с. 48.

менять, развивать, делать все более точным и обобщенным. В итоге он создает два взаимодополняющих образа Одессы, живущих в его сознании. Оба они автобиографичны.

Первый – самый знаменитый – ностальгически изображенный город, близкий Одессе Ю. Олеши. Всю мощь своего пластического мастерства Катаев-писатель вкладывает в передачу образа Одессы в «Белест парус одинокий», а потом и во всю тетralогию «Волны черного моря». Изображение города в этих книгах, конечно, подчинено идеологическим – заказным требованиям: Одесса – капиталистический город социальных контрастов, где главный герой Петя Бачей однажды замечает соседство нескольких пространств: привычного района обывателей, элегантного и комфортабельного, с «духом европейского капитализма» центра и портового района обжорок, ночлежек, «вонючих щелей»¹¹, заселенного страшными, с точки зрения мальчика «из хорошей семьи», «босяками», но даже контрасты «работают» на создание образа великолепного города.

В „ностальгических” произведениях Ю.Олеши и В.Катаева по мере увеличения временной дистанции Одесса появляется как милая провинциальная родина – место детства, отрочества, юности. Своеобразие Одессы чрезвычайно ценилось В.Катаевым и Ю. Олешей. Названия районов, пригородов, кафе, фамилии жителей создают особый интернациональный экзотический для северного уха колорит города достаточно маленького, чтобы мысленно охватить его единым взором, и достаточно большого, чтобы исследовать его всю жизнь. Одесса Ю.Олеши и В.Катаева – это город относительно благополучных культурных семейств, где нет одессизмов в речи и где по мере сил стараются обеспечить своим детям то, что в начале века вкладывалось в понятие „счастливое детство”.

Одесса изображается как идеальный город мальчишеского детства, предоставляющий неограниченные возможности для активных действий и приключений. Постоянно подспудно передаваемое в воспоминаниях ощущение колоссального везения (родиться в таком городе!), полнота мальчишеского бытия, яркость впечатлений, помноженные на природную яркость города, делают из Одессы город жизни, зарядивший и заразивший навеки. Одесса воспринимается мальчиками как центр мира: ведь она находится на берегу Черного моря, и волны, омывающие одесские берег, пришли „с Анатолийского побережья Турции, может быть даже из Трапезунда”¹². Моряки и морские путешествия, корабли из дальних стран, а значит, достижимость этих дальних стран, штормы, шаланды, паруса, яхты, штили и бризы не просто существуют где-то за тридевять земель, но входят в повседневное существование одесситов. Но если в итоге для

¹¹ В. Катаев, *Собрание сочинений*, Т. 4., с. 313.

¹² В. Катаев, *Собрание сочинений*, Т. 8., с. 80.

Олеши, не выезжавшего за пределы СССР, Одесса становится в известной степени субститутom непознанной Европы¹³, компенсацией нереализованного, побуждающего к мечете, то для много путешествующего В. Катаева жизнь в Одессе изображается как прекрасная преамбула к будущему освоению большого мира¹⁴.

К концу жизни у В. Катаева возникает образ Одессы, полнее всего реализующийся в «Спящем». Безмятный город трех маяков погружен в состояние «божественного безделья»¹⁵. Море окружает его, оно штормит, несет в себе тайны и опасности, «взволнованное море, из которого выскакивают дельфины с человеческими глазами, а над ними носятся буреветники и чайки, и в темных глубинах моря извиваются осьминоги тоже с человеческими глазами, проплывают тени субмарин, и у скал, как гейзеры, взрываются сорванные с якорей мины – остатки минувшей войны»¹⁶. От этой едва ли не босхianской картины город отделен повседневными заботами: «...все это как бы не имело отношения к тишайшему миру, в котором не жили, а всего лишь временно существовали жители нашего города трех маяков, его окрестные деревни и хутора»¹⁷. В нем «никто не думал о будущем», его жители уже нигде не учатся и не служат, но живут не хуже, чем раньше, распродажей вещей. Все происходящее вокруг них они воспринимают, как и подобает нормальным обывателям: выходят смотреть то на солдат оккупационной армии, то на ограбление ювелирного магазина, то на бегущих с севера богачей. У них по-прежнему кипит мирная жизнь: несмотря на войны, «голые маленькие дети ползали по мокрому песку вдоль кромки прибоя, строя города и проводя каналы, где суетились в воде крошечные морские блошки»¹⁸, а на ужин подавались «горячие котлеты и крепко заваренный, почти красный чай с сахаром»¹⁹.

Город своей сосредоточенностью на обычной жизни способен ассимилировать даже стоящее в нем войско. Солдаты-оккупанты в глубине души тоже мирные обыватели, которые только и делают, что мирно варят суп из фасоли с тушенкой и ходят на городской пляж к морю мыться. Обаяние нормальной человеческой жизни тем сильнее, что повествователь («спящий») осознает всю ее скоротечность: «Камышовый курень, костер, запах душистого чая, дымок махорки, которую покуривали

¹³ См.: В. Варна, *Миф Юрия Олеши*, Одесса 2013, с. 25-36.

¹⁴ См.: М. Литовская, *Италия глазами классово грамотного мальчика из интеллигентной семьи: образ Италии в творчестве В.П. Катаева*, [в:] Россия-Италия-Германия: литература путешествий, Томск 2013, с. 230-241.

¹⁵ В. Катаев, *Собрание сочинений*, т. 10, с. 681.

¹⁶ Катаев В. Собр. соч., т. 10, с. 689-690.

¹⁷ Катаев В. Собр. соч., т. 10, с. 690.

¹⁸ Катаев В. Собр. соч., т. 10, с. 693.

¹⁹ Катаев В. Собр. соч., т. 10, с. 683.

рыбаки, добрые друзья – чего еще надо человеку для счастья? Райское местечко, что-то вроде модели того странного мира, в котором мы жили, отгороженные от всего остального, бушующего где-то вокруг мирового пожара. Чудо тайфуна или циклона, в центре которого образуется труба неподвижного воздуха, ласкового солнца, ясного неба, любви, дружбы, безделья, полной свободы»²⁰.

Блаженное состояние неучастия в общегосударственной жизни, прелесть частного существования сиюминутны. Шторма на море ничто по сравнению с бурями политики и навязываемых общественных страстей, от которых в конечном итоге зависят город и его жители. Из русской и европейских столиц приходят война, революции, приезжает некто Манфред, увлекающий своей романтической байронической шеей одну из городских красавиц. Чтобы раздобыть деньги, он собирается ограбить ювелирный магазин и даже находит себе компаньона Леньку Грека. Но город сопротивляется влиянию северянина, как может, своим равнодушием к мировым катаклизмам. Ограбление почти состоялось, но убежать не удалось из-за закономерной случайности, типичной для города трех маяков: грабителей остановили намертво запертые двери, которые, по идее, должны были быть открыты – «может быть, это был обеденный перерыв»²¹.

Обеденный перерыв – знак устойчивой несмотря ни на что мирной жизни, которой нет дела до того, что какой-то приехавший из Петрограда бывший мичман и бывший богач решил добыть денег для достижения великолепной будущей жизни. Он мечтал о грядущей свободе, не видя и не понимая прелести свободы ленивой провинциальной жизни города трех маяков. «Впрочем, может быть, эта мнимая свобода была только плодом воображения, неспособного видеть истину»²².

Однако Одесса у В. Катаева может становиться испытанием для человека. Поляризация родного города как, с одной стороны, «отроческого рая», а с другой – «сновидения-кошмара» («Отче наш», «Уже написан Вертер») биографически обусловлена. Холодная зимняя Одесса («Отец», «Зимний ветер», «Разбитая жизнь», «Уже написан Вертер», «Сухой лиман» и др.), почти всегда в творчестве В. Катаева символически обозначает тревогу, опасность, близость утрат или даже смерть.

В рассказе „Отче наш” показана история одного дня из жизни безымянных женщины и мальчика, которые в двадцатипятиградусный мороз ходят по оккупированной Одессе, спасаясь от облавы и отправки в гетто. Мертвый, выстуженный морозом город («сухие стебли дикого

²⁰ Катаев В. Собр. соч., т. 10, с. 689.

²¹ Катаев В. Собр. соч., т. 10, с. 695.

²² Катаев В. Собр. соч., т. 10, с. 692.

винограда», «всюду были только лед и иней»²³, «голые черные акации»²⁴, «ледяные коридоры улиц», «на мостовой лежали твердые воробьи, убитые на лету морозом»²⁵) не дает женщине приюта, и они с сыном замерзают в парке. Умирают в холодной Одессе отец главного героя рассказа «Отец», мать художника Димы, на холодном ветру простужается и умирает мама автобиографических героев. Северный холод опасен для южан, он разрушает их привычный уклад и может быть для них смертельным. Одесса В. Катаева – центр Юга, противопоставленный центру Севера – Москве. Север притягателен, там решаются государственные дела, оттуда исходит властная воля, но природный южанин стремится к теплу, морю, покою. Мотив дороги на юг как дороги к радости и счастью является устойчивым в творчестве В. Катаева.

В последнем произведении писателя Одесса предстает городом, тихая устоявшаяся провинциальная жизнь которого, пропорциональная и сомасштабная человеку, была благом: «Одесса славилась дешевизной жизни, Черным морем, целебными лиманами, морскими ваннами и многим другим, чего не было в северных университетских городах»²⁶. Композиционно „Сухой лиман” построен на параллельном сопоставлении историй одесской и петербургско-московской ветвей семьи Синайских. И столичных жителей, и провинциалов одинаково смывает волнами времени, все они проходят свою череду смертей, рождений, крестин, свадеб. Вне зависимости от места жительства они бессильны перед судьбой, историей, временем, равно обречены ходить по переименованным улицам переименованной страны, в которой на месте Геннисаретского озера их детства стоит город Ильичевск.

Страна съезживается перед лицом истории, расстояния сокращаются, провинциальный акцент становится незначимым. Но Одесса все равно остается любимым местом уцелевших стариков Синайских, для которых все улицы до сих пор носят двойные названия и каждая значима тем, что на ней происходило что-то, связанное с семьей. Одухотворенность географических мест, измеряемая не достопримечательностями, но семейной наполненностью, делает юг России центром семейного клана, его истоком, своеобразной библейской прародиной, тем самым понятия центра / периферии приобретают абсолютную относительность, и в мире Катаева Одесса естественно становится в центр мироздания.

В изображении В. Катаева Одесса – место не столько экзотическое, требующее постоянного писательского усилия по превращению его в заслуживающее описания пространство, сколько самодостаточное, не

²³ Катаев В. Собр. соч., т. 1, с. 435.

²⁴ Там же.

²⁵ Катаев В. Собр. соч., т. 1, с. 437.

²⁶ Катаев В. Сухой Лиман, М., Художественная литература, 1986, с. 10.

нуждающееся в сильных художественных средствах. «Неистребимый черноморский выговор» – предмет гордости и человеческой, и писательской. Созданный усилиями писателя город – факт личного мифа писателя, его биографического прошлого, осознание его специфики – гарантия успешного включения писателя в общелитературный контекст в качестве знатока уникального места и носителя специфической региональной ментальности.

На пересечении этих тенденций формируется своеобразный тип патриота Одессы и «одесского пижона», который В. Катаев поддерживал всю жизнь. В 1944 году он скажет: «Каждый день, вырываясь из леса, / Как любовник в назначенный час, / Поезд с белой табличкой «Одесса» / Пробегают шумя мимо нас. // Пыль за ним поднимается душно, / Рельсы стонут, от счастья звеня, / И глядят ему вслед равнодушно / Все прохожие, кроме меня»²⁷. Написаны эти строки в подмосковном поселке Переделкино, стоящем на южной, что всегда подчеркивал В.П. Катаев, ветке железной дороги.

Библиография

- Каракина Е., *По следам «Юго-Запада»*. Новосибирск, Свиньин и сыновья, 2006.
- Катаев В. *Избранные стихотворения*, М., Мир энциклопедий Аванта+.Астрель.
- Катаев В. *Сухой Лиман*, М., Художественная литература, 1986.
- Литовская М., *Италия глазами классово грамотного мальчика из интеллигентной семьи: образ Италии в творчестве В.П. Катаева*, [в:] Россия-Италия-Германия: литература путешествий, Томск 2013.
- Литовская М., *Италия глазами классово грамотного мальчика из интеллигентной семьи: образ Италии в творчестве В.П. Катаева*, [в:] Россия-Италия-Германия: литература путешествий, Томск 2013, с. 230-241.
- Мароши В., *Столичное и провинциальное в литературном пространстве русского модернизма, Региональные культурные ландшафты*, Тюмень 2004.
- Назаренко М., *Городской текст в XX веке* [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/d/dobychin_1_i/text_0060.shtml
- Саид Э. *Ориентализм: Западные концепции Востока*, Санкт-Петербург, 2006.
- Славин Л., *Предвестие истины*, Советский писатель, Москва 1968, с. 264.
- Ярмолинец В., *Одесский узел Шкловского*, Волга 2011, № 1. 2.; и др.

²⁷ Катаев В. *Избранные стихотворения*, М., Мир энциклопедий Аванта+.Астрель, с. 239.

Mariya Litovskaya

TWO ODESSAS OF VALENTIN KATAEV

Summary

The article describes the phenomenon of using «visionary techniques» (E. Said) to creating an image of Odessa city in the XX century in fiction of native Odessa's authors, who came into the «large» literature at 1910-1920's. In the beginning of their literary careers they left their hometowns for the capitals, lived the biggest part of their life there and sometimes came back to Odessa as important residents.

The image of any city due to the author's way of determination of his biographical place of residence quality, i.e. the city becomes a peculiar representant of geographical measurement author biography. Odessa holds a special place in the Kataev's art: it is a place of action or it is referred to in almost all novels of this writer. The polarization of image of the „city of three lighthouses” was determined biographically as, on the one hand, the „adolescent paradise”, and on the other – „dream-nightmare”; as South center which was opposed to Moscow as the North center; as exotic place, which needs permanent writer's efforts to turn it into a space worthy of description or self-sufficient, i.e. which doesn't need strong artistic tools.

At the intersection of these trends is formed peculiar type of patriot of Odessa and „Odessa dandy”, which V. Kataev maintained all his life.

Key words: image of Odessa, symbolical representation, the name of the place, biographism.

Ключевые слова: образ Одессы, символическая репрезентация, имя места, биографизм.

ЛИТОВСКАЯ МАРИЯ АРКАДЬЕВНА – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы XX-XXI веков Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета. Избранные публикации:

- *Феникс поет перед солнцем: феномен Валентина Катаева*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.
- *Массовая литература сегодня*. М: Флинта. Наука., 2009 (2 ed. 2010). Соавторы Н.А. Купина, Н.А. Николина.
- Италия глазами классово грамотного мальчика из интеллигентной семьи: образ Италии в творчестве В.П. Катаева // *Россия-Италия-Германия: литература путешествий*: коллектив. Монография. /отв. ред. О.Б.Лебедева. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2013. – С. 230-241.
- «Соцмодернист» Валентин Катаев // *Семиотика и поэтика отечественной культуры 1920 – 1950 – х годов*. Ч. 2: коллектив. монография./ отв. ред. С.А. Комаров. – Ишим: ИГПИ им. П.П. Ершова. – С. 379-396.
- Советская конспирологическая мифология и мотив военной тайны в современной прозе// *Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы*: коллектив. монография / Отв. ред. Е.К. Ромодановская. – Новосибирск: Академическое издание «Гео», 2012. – С. 146-156.
- Адаптация массовой литературы «высоким» литературоведением как проблема современного российского образования // *Toronto Slavic Quarterly*. Spring 2013. № 44. С. 311-322.
- Региональный журнал для детей в контексте советской периодики 1920-х – 1930-х годов: динамика идеологических приоритетов // *«Убить Чарскую»: Парадокс советской литературы для детей. 1920-е – 1930-е гг.*/ ред. М.Балина, В. Вьюгин. СПб.: Алтейя, 2013. С. 110-134.

-
- Гоголь в пространстве современного российского города // *Двести лет Гоголя. Сборник научных трудов* / Под ред. В.Щукина. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego. 2011. С. 359-372.
 - «Гений места» как авторская стратегия: изображение Урала // *Гуманитарная география*. Вып. 8. / Отв. ред. Д.Н. Замятин. М.: Институт наследия, 2010. С. 6-14.
 - Наследие социалистического реализма в современной российской литературе: формы бытования // *Ідеологічні та естетичні стратегії соцреалізму*: Вип. 1/ Видпов. ред. В. Хархун. – Київ: Інститут літератури ім. Т.Г. Шевченка НАН України, 2010. – С. 268-279.
 - «Оружие и амуницию держать в полном порядке»: Войны А. Голикова в текстах А. Гайдара // *„Травма: Пункты”*. Сборник статей / Ред. и сост. С.Ушакин и Е. Трубина. – М.: Новое литературное обозрение, 2009.
 - Образ «достойной жизни» в советских молодежных журналах 1950-х годов // *BLOK: The International Journal of Stalinist and Post-Stalinist Culture*. 2010. № 5. PP. 188-202.
 - Научные интересы: русская литература XX-XXI веков, искусство советского периода, социология литературы, геопэтика.